

КЛЕМЕНС
ДЕЙН

ХЕЛЕН
СИМПСОН

**ВЫХОД
СЭРА
ДЖОНА**

"Золотой век детектива"

Клеменс Дейн Хелен Симпсон

Выход сэра Джона

«Автор»

2025

Хелен Симпсон К.

Выход сэра Джона / К. Хелен Симпсон — «Автор», 2025

Молодая актриса Мартелла Баринг признана виновной в убийстве Магды Дрюс, жены менеджера актёрской труппы. Обаятельный и умный сэр Джон Сомарес, сам актёр и менеджер актёрской труппы, присутствует на суде и убеждается в невиновности Мартеллы. Он прибегает к помощи своего режиссёра и жены режиссёра, и сэр Джон продолжает доказывать невиновность Мартеллы и спасает её от повешения за преступление, которого она не совершала. В 1930 году режиссер Альфред Хичкок экранизировал роман под названием "Убийство!". Роман входит в коллекцию "Золотой век детектива".

© Хелен Симпсон К., 2025

© Автор, 2025

Содержание

РАНО УТРОМ	6
САМОЕ ОТВРАТИТЕЛЬНОЕ УБИЙСТВО	10
ТЕАТРАЛЬНЫЙ СПЕКТАКЛЬ	13
ВЫХОД СЭРА ДЖОНА	18
ЧЁРНЫЙ, БЕЛЫЙ	22
БЕЛЫЙ, ЧЕРНЫЙ	34
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Клеменс Дейн Хелен Симпсон

Выход сэра Джона

ГЛАВА

I

РАНО УТРОМ

Стуци, стуци! Покоя никакого!

Кто ты такой? ...

Но это место слишком холодно для ада.

Макбет

Тук-тук-тук!

Серый рассвет уже занимался на небе, и церковные часы пробили три, когда раздался стук.

Беспорядочная улица маленького шахтерского городка Периду, ведущая вверх по холму, вздрогнула от этого звука. Периду погрузился в сон рано и без свечей, так как непрекращающееся извержение раскаленного шлака с черной конусообразной вершины холма держало город уютно освещенным, как комнату в мерцании угасающего огня. Теперь Периду находился на краю угольного края, хотя когда-то здесь были залы заседаний, театр и колодцы. Залы заседаний стали отелем, два колодца – частью городской системы водоснабжения, но театр по-прежнему выходил на ратушу с другой стороны площади, а его толстые дорические колонны были увешаны программками любительских общественных постановок опер Гилберта и Салливана.

Анонсы мелодрам, комедий, спектаклей и фарсов, которые будут идти только один вечер, уже пожелтели и обветшали на стенах театра.

Надежные акционерные компании арендовывали театр на нечетные недели между весенними и летними турами, и одна из таких компаний объявляла со стен и колонн о представлении спектакля "Свидетельство короля". В лондонский состав входили господа Гордон Дрюс, Ион Мэрион, Том Дрюитт, Хэнделл Фейн и дамы Магда Уорвик, Дусебелл Дириг и Мартелла Баринг. Менеджер – Гордон Дрюс, менеджер сцены – Новелло Маркхэм. Двери открываются в 6:30.

Начало спектакля в семь.

Ни одно мероприятие не открывалось позже семи, ибо, будь то Шекспир или Бусико, Сютро, Дюма или Полтон, Периду ложился спать рано и спал всю ночь в такой сельской тишине, что одного запоздалого пьяницы, распевającego песни и спотыкающегося на улице, было вполне достаточно, чтобы разбудить возмущенных домовладельцев, чтобы они повылезали в негодование из своих окон. А полиция в симпатичном маленьком полицейском участке с виргинским плющом на следующий день выслушивала мнение всего Периду о них.

Тук-тук-тук!

Неудивительно, что суматоха на пороге постоянного жилья мисс Митчем (первый этаж, задняя и передняя части дома, уголь, ванна и горячая вода включены в стоимость проживания; в полутора минутах от служебного входа в сам Королевский театр, о чем она сообщала в своих аккуратных объявлениях бесчисленным клиентам за последние тридцать пять лет) должна была разбудить крепко спящих и заставить с грохотом распахнуться все оконные рамы ближайших домиков.

Тук-тук-тук!

Стук ворвался в сон Новелло Маркхэма, управляющего сценой и арендатора Королевского театра. Ему снилось, что он снова у Бенсонов, играет швейцара в «Макбете», и опаздывает на сцену, когда он резко сел в постели.

«Тук-тук-тук!» – сонно пробормотал Новелло. «Я иду! Ради Бога, опустите занавес!» Он нащупал зубы в рюмке для зубов рядом с собой, когда его жена зашевелилась и проснулась.

«Что это за мерзкий шум?» – потребовала ответа миссис Маркхэм, которая на публике больше была известна как мисс Дусбелл Дириг. «Что ты делаешь, Нелло? Перестань, дорогуша. Не впускай в комнату сквозняк!»

Но мистер Маркхэм прошлепал к окну, распахнул его и присоединился к ряду голов, который придавал маленькому переулку – квартал домов был не длиннее театра – фантастическое сходство со старыми гравюрами Темпл-Бара.

Тук-тук-тук!

«Это через два дома. Они устроили чертовщину. Они вызвали полицию. Ах, ты только посмотри, Дуси! Полиция уже всех строит. Они устроили какую-то шумиху!» И мистер Маркхэм полуобернулся у окна, чтобы могла притиснуться пухлая маленькая фигурка в цветастой ночной рубашке и купальном чепчике. Мисс Дириг перед сном неизменно надевала на голову купальный чепчик.

«Где полицейский?» – спросила шапочка для купания, вытягивая шею.

«Разве его там нет? Но я видел, как он выходил из-за угла, прямо возле пекарни», – мистер Маркхэм снова высунулся из окна.

«Чушь! Только этот человек стучит. Он, должно быть, сошел с ума, раз так шумит в такой час. Интересно, что случилось!» Миссис Маркхэм посмотрела направо и налево, а затем, когда вспышка света на склоне холма снова озарила улицу, взволнованно воскликнула:

«Нет, нет! Ты прав! Полицейский идёт совсем рядом. Он бежит по площади!» А потом добавила: «Нелло, ты знаешь, кто это стучит? Это Дрюс!»

«Что? Так оно и есть! Послушай, Дуси, я лучше спущусь. К черту спички! Они все мокрые. В следующий раз не бери их с собой в ванную. Где моё пальто?»

Он ощупью пытался найти пальто и яростно ругался, а его жена продолжала:

«И вот что я тебе скажу, Нелло, это жилище Баринг. У неё первый этаж, спереди и сзади. Вот что, я тоже иду. Подожди меня!»

Но мистер Маркхэм уже ушёл. Разрываясь между желанием последовать за ним и желанием не упустить ни одной детали разворачивающейся во дворе драмы, миссис Маркхэм схватила свои туфли и чулки и поспешно вернулась к окну, натягивая их на ноги не глядя, наблюдая за происходящим в окне.

Сцена была столь же любопытной, как и любая другая, которую она когда-либо помогала разыгрывать на сцене. Усиливающийся дневной свет высветил постоянно увеличивающуюся толпу сине-серых фигур, которые в каждом мерцании на склоне холма были чётко очерчены розовым и золотым. Дикий стук прекратился. Она ясно видела крепкого полицейского и приземистую, жестикулирующую фигуру управляющего компании Гордона Дрюса. Оба лица были обращены к окну первого этажа, откуда высунулась закутанная в шаль и ночную рубашку фигура, изливающая красноречие. Миссис Маркхэм приложила руку к уху, напрягая слух в лихорадке любопытства. Более тихие голоса мужчин были едва слышны, но голос хозяйки звучал как труба:

«Конечно, нет! Я не позволю людям буйствовать и неистовствовать в моём доме в любое время дня и ночи. Это уважаемый дом, и никто не знает этого лучше, чем мистер Грограм».

Ответа полицейского не было слышно, но голос стучащего вдруг стал отчётливым:

«Я хочу видеть свою жену!»

«Здесь нет ничьей жены», – ответила голова у окна наверху. «Я говорила вам и говорю ещё раз, что это уважаемый дом».

«Она должна быть здесь», – настаивал стучащий. «Она шла сюда и сказала, что вернётся к двум. Теперь уже три...»

«Мы это знаем», – сказала голова, несколько раз угрожающе кивнув. «Карцер – вот место для тебя. Где ты только успел набраться? Пабы все закрываются в десять».

Миссис Маркхэм пропустила следующие слова полицейского; их было немного, и говорящая голова хозяйки быстро прервала его.

«Уведите его. Я не стану будить свою жиличку, бедную барышню. Что за бред про жену он несет! Я удивляюсь вам, мистер Грограм. Подождите, когда вы сами женитесь, вы уже не будете таким любопытным».

Из ближайшего окна доносилась весьма искусная имитация драки двух кошек, которая служила облигато к хору протеста и вопросов, перекачавшемуся из дома в дом.

«Что там?»

«Не смей спускаться, Джордж, без брюк, не смей!»

«Людам должно быть стыдно».

«Да ведь это просто пьяный джентльмен!»

«Ну что за любопытство такое!»

«Джентльмен, я сказал! Это у мисс Митчем!»

«Ну и что из этого?»

«Вот что получается из театральных постановок».

«Да ладно тебе, Энни!»

«Иди спать под одеяло!»

Снова ропот мужских голосов заглушил уменьшающийся хор; и поскольку полицейский не проявил никакого желания продолжать спор с торжествующей головой хозяйки, меньшие головы постепенно отступили, и небольшая толпа, собравшаяся на белом вычищенном пороге, начала расползаться. Дусбелл увидела своего мужа в рedeющей группе, и мерцание света высветило его. Он разговаривал с полицейским, который стоял рядом с ним, покачиваясь, скрестив руки на груди.

«Здравый смысл, Новелло», – пробормотала миссис Маркхэм, наблюдая за ними. «Пьяный или трезвый, менеджер есть менеджер. Держу пари, что он приведет его сюда. Мне лучше что-нибудь надеть».

Она вернулась в комнату и с быстротой профессионала за две минуты надела кимоно, зажгла лампу и распахнула раздвижные двери, отделявшие маленькую гостиную от грандиозной спальни. Ведь дом, как и весь квартал, а также театр за ним, были построены в былую золотую эпоху. «Передние и задние» помещения первых этажей, теперь сдаваемые в аренду как квартиры, когда-то были величественными столовыми, где, защищенные от вульгарных взглядов прохожих репсовыми занавесками, джентльмены говорили о политике и портвейне. В то время как в других таких же комнатах на первом этаже были гостиные, в которых прекрасные дамы при свете свечей ожидали возвращения своих господ.

Камины на первом этаже представляли собой черные мраморные пещеры, а складные двери, на которых еще сохранились следы позолоты, были украшены гирляндами и даже зеркалами. Именно у такого зеркала миссис Маркхэм, поправив постельное белье и забросив под кровать сброшенную ночнушку, начала прихорашиваться и возвращать своему лицу облик Дусбелл Диринг.

Она все еще была занята этой деликатной операцией, когда на затихающей улице раздался крик, за которым последовал еще один, и еще один.

Но хотя маленькая актриса в мгновение ока снова оказалась у окна, она не могла видеть, кто кричал; она видела только, что кто-то прошел в дверь гостевого дома перед уже опустевшим порогом.

Окна снова распахнулись, но крики звучали уже в другой тональности.

«Что это было?»

«Как будто свинью зарезали».

«Спи, милая! Мама не позволит им обидеть тебя. Тшш, тшш!»

«Что это было, Джордж? Ты уже что-нибудь видишь?»

«Что делает полиция?»

Казалось, это было всеобщим беспокойством. Соседи, которые прятались за запертыми дверями и находились на лестничной площадке, возмущались и спрашивали себя, для чего нужна полиция, если не для того, чтобы останавливать крики, доносящиеся из приличных домов. В этот момент дверь неблагополучного дома снова распахнулась, и Маркхэм выскочил наружу. Его жена с нетерпением вернулась в комнату, чтобы встретить его.

«Ну, Новелло? Ну, что случилось? Что произошло? Ты не можешь мне сказать, что случилось? Да ты бел как полотно! Что, ради Бога... Что, Новелло, что ты ищешь? Что с тобой, дорогой?»

Маленький Новелло Маркхэм, дрожащими руками роясь в огромном викторианском буфете, опрокидывал подставки для яиц и гремел судками.

«Я не могу остаться. Гордон Дрюс хочет меня видеть. Он упал. Где бренди?»

«Вот, дорогой, вот бренди. Гордон заболел? Что случилось?»

Он произнес слово, на которое на привычной сцене она так часто отвечала соответствующими жестами ужаса; но эта сцена теперь казалась странной, и у нее не было готового жеста. Он произнес слово «Убийство».

«Убийство? Кто?»

«Магда Дрюс».

«Но она ужинала с Мартеллой Баринг!»

«Да», – сказал Новелло.

«Но, Боже мой! Кто это сделал?»

«Мартелла Баринг. Разбила ей голову кочергой. Я только что это видел».

«Я тебе не верю».

«Если бы ты ее видела, ты бы поверила. Где этот бренди? Мне пора возвращаться».

«Мне тоже пойти?»

«Я бы не позволил тебе это увидеть, Дуси. Это... это грязно. Мисс Митчем присматривает за ней».

«Присматривает за ней!» – сказала Дуси, ужаснувшись и возмущившись. «А ты не обратился в полицию?»

«Да, но девушка в полубессознательном состоянии. Мне нужно идти, Дуси. Я вернусь, когда смогу. Ради Бога, отпусти меня!»

«Но...» – сказала Дуси. «Убийство!»

Двери захлопнулись. Она села на кровать, тупо, как болванчик, повторяя первые строки этой сцены.

«Что случилось?» – «Убийство!»

Она больше не подходила к окну.

Ее муж, торопливо шагая по улице со своим бренди, думал:

«Убийство! Я замешан в деле об убийстве; жена управляющего была убита, и это сделала Мартелла Баринг! Эта милая девушка – убийца! Что вы об этом думаете?»

Он оказался у ужасного дома, прежде чем успел ответить на свой собственный вопрос, на мгновение остановился на ступеньках, чтобы собраться с мыслями, затем расправил плечи и вошел.

ГЛАВА

II

САМОЕ ОТВРАТИТЕЛЬНОЕ УБИЙСТВО

Ах! Аквавиты мне!

Ромео и Джульетта

Когда маленький Новелло Маркхэм вернулся из своего дома с флягой бренди в руке в неубранную комнату, которую он недавно покинул, он обнаружил, что обстановка почти не изменилась. Свеча всё ещё горела на столе, заваленном остатками еды: использованными чашками, буханкой хлеба, грязным бокалом и стопкой тарелок. Однако все уже покинули эту комнату.

Осталась только мертвая женщина, неподвижно лежавшая поперёк дивана, словно её швырнули на него, как сбрасывают сброшенное покрывало. Её ноги в розовых шелковых чулках и туфлях на высоких каблуках неподвижно торчали из-под короткой юбки, как ноги куклы. Её тело было сгорблено на валике, а болтающаяся голова откинулась назад, открывая причину её смерти. Её короткие волосы были темными от полужасохшей крови, а её щека и лоб были настолько разбиты и изуродованы, что красивые очертания остального лица лишь усиливали ужас такого кошмара.

Опрокинутый стул всё ещё лежал там, где его бросили, а все, что стояло на камине, было свалено в странном беспорядке в решётке. Да, комната оставалась такой же, какой он её оставил, но обезумевший муж, полицейский и девушка в чёрном неглиже исчезли.

Вся комната отражалась в зеркалах на складных дверях. В них мёртвое тело внезапно сдвинулось, и Новелло отскочил с криком. Но это была всего лишь хозяйка дома, которая вернулась в комнату. Она подошла, держа в руках белую простыню, и странным нежным жестом укрыла ею лицо и фигуру мёртвой женщины. Остановившись на мгновение, она повернулась к нему с новой живостью, когда он хрипло спросил:

«Где они? Где Дрюс? Где мисс Баринг?»

«Там», – она мотнула головой назад.

«Вместе?» – недоверчиво спросил маленький режиссёр.

«Програм не позволит никому сдвинуться с места, пока не придёт сержант».

«Могу ли я чем-то помочь?» – спросил Маркхэм.

«Идите к этому бедняге, мистер Маркхэм. Он будет рад вам. Ах, он был пьян, когда пришёл ко мне на порог, но теперь он протрезвел! Как я сказала Грограму, было бы лучше, если бы мистер Дрюс оставил жену дома. Но мы все знаем, что у миссис Дрюс была своя воля. Воля железная. Они уже останавливались у меня, Гордоны Дрюсы. И миссис Дрюс совсем не понравилось, что я сдала свои комнаты и мисс Мартелле. Это настроило миссис Дрюс против мисс Мартеллы, как я слышала. Ах, я видела, как она цеплялась когтями не в одну молодую женщину! Они смирялись, потому что должны были. Но с мисс Мартеллой у нее этот фокус бы не прошел. Ах, ну что ж, бедняжка», – она посмотрела на простыню, и её голос притих. «Она за всё заплатила».

«Но она этого не делала, мисс Митчем», – сказал Новелло. «Она не могла этого сделать».

«Бог знает, мистер Маркхэм! Если бы кто-нибудь хотя бы донёс до меня, что мисс Мартелла...»

Хозяйка квартир понизила голос до доверительного тона, когда вошедший полицейский остановил её.

«Я прошу тебя, мэм. Вы же знаете. Вернитесь к заключённой, мисс Митчем! Так вы мне поможете больше всего. С ней должна быть женщина. Вы принесли бренди, сэр? Дайте ей глоток, ладно? Она сейчас вся в расстройстве. Нужно её привести в порядок, прежде чем мы её арестуем. Я послал за инспектором, но это дело двадцати минут». Он повернулся к Новелло. «И я был бы вам признателен, сэр, поскольку, как я понимаю, вы друг мужа...»

Он отвел их в другую комнату.

Как сказал маленький Маркхэм своей заплаканной жене спустя пару часов, это не его вина, что он оставил её одну. Конечно, это было не его дело, и, конечно, он знал, что Дуси была одна в доме и напугана. Но, чёрт возьми, что он мог поделывать? Он же не мог отказаться в помощи.

Бедный старый Дрюс был в полном расстройстве. Его тоже кто-то должен был поддерживать.

«Предположим, тебя ударили бы по голове, Дуси. Как бы я себя чувствовал, как ты думаешь? Мне бы хотелось, чтобы меня кто-нибудь по-приятельски поддержал, не так ли? Конечно, он хотел, чтобы кто-нибудь был с ним рядом, когда женщина, которая сделала это с его женой, сидела в двух ярдах от него и спрашивала, что случилось. Да, она сидела там. Я говорю тебе, когда я услышал это, я удивился, что он не накинулся на нее. Но он просто сидел там, ошеломлённый. Это его отрезвило, я тебе скажу. Я скажу тебе, мне это все не понравилось. И всё же мне было жаль девушку. Она сама выглядела как труп, только она не переставала задавать вопросы. Прямо как труп, сидящий и задающий вопросы, пока мисс Митчем не успокоила ее».

У маленького Маркхэма было воображение, даже если его единственное стремление – сыграть Гамлета, пусть даже во втором составе, никогда не будет удовлетворено; даже если его писклявый голос был его единственным сценическим активом, а зарплата составляла четыре фунта в неделю. Сидя над беконом и яйцами, он заставил свою жену ясно увидеть, какой напряженный час провёл он в той дальней спальне через два дома, с квадратным окном, пропускающим солнечный свет и грохот ранних телег.

Он заставил её вздрогнуть так же, как и он сам вздрогнул, у качающейся зеркальной двери. В зеркалах они могли видеть свои напуганные лица от зловещей смерти. А маленькая миссис Маркхэм действительно была напугана, вздрагивала и оборачивалась в ужасе при виде каждой движущейся тени раннего прохожего, бесформенной и призрачной фигуры за матовыми стёклами.

Он рассказал ей про полицейского, который хозяйски расхаживал между комнатой живых и комнатой мёртвых; и про хозяйку в её удивительном халате, снующую туда-сюда между шкафом, столом и отдаленной кухней, суетящуюся. Но больше всего воображение маленького человека захватило состояние его начальника, могучего Гордона Дрюса, который сидел поникнувший, его грубое лицо было залито слезами и спрятано в руках, пока девушка разговаривала с ним.

«Да, она это сделала. Преступила все святое. А сама сидела белая как полотно, а эти чёрные волосы свисали на плечи, и большая полоса крови на её руке. И она постоянно подносила эту руку к голове и замазала кровью весь лоб. Дуси, и что ей оставалось делать, как не говорить с ним!»

«Что она сказала?»

«О, какая это была трагедия, и как ей было жаль, и как всё это было случайностью, и что она была такой глупой. Но что на самом деле произошло? Так и не сказала. А Дрюс плакал и проклинал её, а она не понимала ни слова. И в самый разгар всего этого появляется мисс Митчем с чашками чая, и, ей-богу, мы его выпили! Все, кроме Дрюса. Он сказал, что будет только бренди. И пока я доставал флягу, девушка Баринг говорит: «В соседней комнате есть немного, мне принести?» Грограм ей ответил: «Сиди на месте», а она говорит: «Может быть, вы тогда за ним сходите, я знаю, что там немного есть; я как раз предлагала выпить миссис Дрюс». А затем она начала заикаться и кричать: «О, что случилось? У меня так болит голова». И тут мисс Митчем приказала ей сесть и выпить. И мы все кроткие, как ягнята, послушались ее, и пили чай. Вот это была сцена! Такое нельзя поставить на сцене. Ни одна публика не поняла бы. Мы сидели там, пока не приехали инспектор на такси, а затем доктор. Нас отвезли всех в участок, где записали наши показания. Затем они позволили мне отвезти Дрюса домой. Мартелла Баринг? О, они арестовали её. Ну, а что ещё они могли сделать? Я же тебе говорю,

что кочерга была у неё в руке, когда мы ввалились в дом. По крайней мере, она лежала рядом с ней».

Миссис Маркхэм была практична. «А как же постановка, Нелло? Дрюс продолжит ее?»

«Я не знаю. Я не знаю, что будет дальше. В двенадцать часов я позвоню в театр. Я возьму на себя ответственность. Убийство было или нет, а нам надо взяться за свои дела. Дрюсу, бедняге, сейчас не до дел, но остальным-то из нас нужно жить».

«Я не могу выбросить из головы девочку Бэринг. Полагаю, это она сделала?»

«А кто же ещё? Они поссорились. Девушка не отрицает этого. И мы все знаем, что у неё был вспыльчивый характер».

«Бедная Магда тоже была вспыльчивой».

«Кто бы спорил! Но это не даёт Мартелле Баринг права прикончить её. Это было ужасно, Дуси! Кто бы мог подумать, что женщина может пойти на такое».

Дуси вздрогнула. «Нелло, ты знаешь, из-за чего был скандал?»

Он заговорил нетерпеливо, так как волнение ночи и бессонница давали о себе знать. Он внезапно почувствовал такую усталость, что осознание того, что ему придётся сейчас же отправиться в театр, где его будут осаждать вопросами, а ему придется руководить взбудораженной труппой, стало для него кошмаром.

«Я говорю тебе, что ничего не знаю. Девушка была слишком ошеломлена, чтобы отвечать на вопросы».

«Понимаю. Но ты хоть догадываешься, что настроило её против Магды? Это из-за того, что Магда сказала о ней?»

«А что она сказала о ней?»

«Она сказала, что Мартелла Баринг может прожить сто лет, но она никогда не сможет превзойти Леди Макбет. Баринг пришла в ярость, когда услышала об этом. Магда сказала, что у неё не тот характер, не тот типаж, не тот темперамент».

«Темперамент? Ха!» – сказал Новелло и растянулся на диване, набитом конским волосом, чтобы вздремнуть минут десять.

ГЛАВА

III

ТЕАТРАЛЬНЫЙ СПЕКТАКЛЬ

ПОЛОНИЙ: Милорд, актёры прибыли сюда.

ГАМЛЕТ: Старо преданье!

Гамлет

Гордон Дрюс, менеджер репертуарной компании и муж Магды Уорвик, никогда в жизни не говорил с сэром Джоном Сомаресом из театра «Шеридан» на Шафтсбери-авеню. Тем не менее, когда спектакли сэра Джона отыгрывали свой сезон, Дрюс регулярно дублировал эти пьесы со своей труппой.

Добродушный Дрюс подражал актеру-менеджеру настолько, насколько полный, шумный и смуглолицый человек может имитировать худого, томного и безупречно скроенного. Произношение сэра Джона, его жесты и, надо признать, многочисленные проявления аффектации стали хорошим тоном в небольшой компании, о существовании которой сэр Джон даже не подозревал.

Вот что значит быть лидером в самой подражательной из всех профессий.

Личностные качества сэра Джона были настолько сильны, что когда Мартелла Баринг, последняя в длинной череде претендентов, призналась Гордону Дрюсу в своей страсти к сцене и шестимесячном опыте, он не смог сразу ее отстранить. Она убедила его, что сэр Джон был чрезвычайно добр к ней и велел ей уехать и играть в провинции, по крайней мере, два года. Набраться опыта, так сказать.

Звучало это не так, чтобы убедительно, но сэр Джон, как известно, обладал даром делать завтрашних звезд из сегодняшних мелочей. А девушка была высокой, красивой, энергичной, с приятным голосом и хорошо одета. Он взял ее в свою труппу.

Гордон Дрюс был готов заплатить ей пятьдесят фунтов в качестве платы за ученичество, а это три фунта в неделю и роли разнообразных злодеек. Что ж, не мог же Гордон Дрюс не прислушаться к мнению сэра Джона.

Поначалу его инвестиции не разочаровали его.

Мартелла Баринг обладала врожденным чувством сцены и страстью к ней. Она могла атаковать скучную сцену с таким энергичным наслаждением, что заражала зрителей своей жизненной силой. Они ей нравились. Они шипели на ее злодеев, что было лучше аплодисментов, и шумно звали ее под аплодисменты, когда опускался занавес.

Такой успех не вызвал у нее любви в труппе, но, возможно, все, кроме ведущей актрисы, простили бы ей это, если бы она смогла подчинить свою личность неопределенным, но строгим театральным правилам. Но она не могла забыть, что она Мартелла Баринг, путешествующая в мире Диккенса, а не в реальной жизни. Ее домом была реальная жизнь; сцена не была реальной; для нее это было любопытное зрелище, а иногда и слегка шокирующее.

Она была молода и чопорно воспитана. Принимая вольности общественной жизни за распушенность, она пренебрегала тем, над чем следовало бы посмеяться. И хотя она делала все возможное, чтобы наладить отношения с товарищами по актерскому мастерству, она не могла не быть ходячей критикой компании своим видом, осанкой, разговорами, ухоженным гардеробом и выбором развлечений. Она обожала свободную и легкую жизнь, но не могла приспособиться к ней и была чересчур болтлива, пока Хэнделл Фейн не подивился ее ошибочной смелости.

Действительно, она нажила себе врагов своей бесхитростностью и бессознательностью, которые должны были умиротворить ее критиков, и которые все были старше ее. Но художник, преследующий свое искусство и получающий неадекватное жалование, редко развивает чувство юмора.

Она разыгрывала сцену борьбы в мелодраме момента с пухлой и жалобной Магдой и падала на стол, следуя сценическим указаниям, только чтобы снова подняться с криком: «Нет, это неправильно. Вы должны держать мое запястье выше, иначе я не смогу опуститься».

Она была совершенно права; но, как сказала Магда своему мужу, она не собиралась быть «обязанной» новичку. Поэтому Магда продолжала быть очаровательной с Мартеллой, когда они встречались, но делала ей всякие неприятности тысячами способов, которые могла позволить себе жена менеджера. И менее влиятельные члены компании последовали примеру жены менеджера. За небольшими оскорблениями следовали более крупные, и бесконечно мелкие недоразумения тем не облегчались. Ее поддевали почти все в труппе.

Напряжение росло до тех пор, пока Мартелла Баринг наконец не обнаружила, что оскорбления и недоразумения не были случайными, что все женщины настроены против нее. Она негодовала на катастрофу непопулярности так же страстно, как ребенок, пораненный о злобный куст терновника на своем пути, и в один бурный вечер отказалась от своей роли и ушла из театра.

Ее уход был благом для Магды Дрюс и вопросом безразличия для других, пока не стало ясно, что не только жизнь ушла из игры Хэнделла Фейна, главного актера, но и что обычный дублер был совершенно не способен выдерживать роли, которые не доставляли ее предшественнику никаких хлопот. Это отразилось на спектаклях и сборы упали, не сильно, но достаточно, чтобы обеспокоить главу концерна. Пригласить актрису из Лондона стоило денег, а сезон не длился и двух недель.

Гордон Дрюс отправил бывшей актрисе своей труппы Мартелле Баринг грозное письмо, в котором предупредил, что нарушение контракта влечет ее к ответственности и к возможному иску о возмещении ущерба. В ответ он получил вежливую записку, в которой Мартелла предлагала обратиться к адвокатам.

«Нет», – неохотно призналась в театре миссис Маркхэм. «Не могу в это поверить. Ночью очень сильно стучали в дверь. Новелло выглянул в окно, а затем сразу же спустился вниз, когда внизу увидел Дрюса. Он был пьян. Я бы не вышла замуж за человека, который пьет».

«Что же было дальше?» – с тревогой спросил комик. «Вы не знаете, миссис Маркхэм?»

«Я точно не знаю. Нелло знает. Он не сомкнул глаз из-за полиции и всего остального, что было ночью. А сегодня утром ему нужно было сходить в похоронное бюро. Но он должен быть уже здесь. Во сколько будет представление? В двенадцать? Ах, ну, еще только одиннадцать».

Труппа, за исключением двух человек, согласилась, что на данный момент нет причин для беспокойств.

А другие двое были мрачный Хэнделл Фейн, который отстранился от общей болтовни и бесцельно и беспокойно бродил по комнате, и рыжеволосый Ион Мэрион, который вытащил расписание и водил пальцем по нему. Он удивил их, ворвавшись в комнату.

«Я не буду ждать после часа. Спектакль есть спектакль. Я уже больше часа тут торчу».

«Мы все в одной лодке, приятель», – сказал уставший комик.

«Если Новелло не вернется в двенадцать, то считайте, что спектакль будет сорван», – сказал Ион Мэрион, и Хэнделл Фейн кивнул в знак согласия.

Дуси протерла лицо платочком.

«Мой муж знает свою работу, мистер Мэрион, спасибо! Ему не нужны советы, когда дело касается театральных дел. Не от юнца, который не играл на сцене и двух лет. Но убийство – это уже не то. Вы понимаете, сколько дел пришлось сделать моему мужу сегодня утром, мистер Мэрион. Ему и о Дрюсе пришлось позаботиться, и с гробовщиком договариваться, и показания в полиции давать, и со всем остальным разбираться. И вы жалуетесь, что он опоздал на спектакль! Когда он приедет, он будет готов к своей работе. Чего нельзя сказать о некоторых других! Да ведь сержант вчера вечером сказал, что ему следовало бы быть в полиции! И вот, что я вам скажу, мистер Мэрион, и вам, мистер Фейн! Если мы получим наши зарплаты и средства

на то, чтобы обратно вернуться в Лондон, за это мы будем обязаны моему мужу. Надеюсь, ради этого стоит подождать три четверти часа».

Ион Мэрион пожал плечами, надул пухлые губы и пробормотал что-то о том, что не стоит спорить с женщинами. В то время как Фейн отступил от сердитого маленького существа, словно тощая, скорбная гончая, отступающая перед твякающей болонкой, бормоча, что он не имел в виду ничего личного, что он хотел бы, если бы в нем не было необходимости здесь, пойти и навести справки там.

Он с нетерпением ждал услышать новости о мисс Баринг.

«Ах, да, я забыла, она твоя подруга», – не успокоилась Дуси. «Ну, тебе не нужно ничего выяснять, потому что я могу рассказать тебе новости. Она все еще в полицейском участке; и там она и останется, если вы меня спросите, мистер Фейн. Залог? Не думаю. Сержант все видел своими глазами: кочергу в ее руке, кровь по всему телу. И ведь она ничего не отрицала. Хотя и сама не знает, что произошло».

Лицо Хэнделла Фейна приобрело очень странный цвет. Его темная кожа стала пятнистой, его губы дрожали.

Миссис Маркхэм оставила позу негодования жены, схватила его за руку и подвела к креслу.

«Что с вами?» – спросила она.

«Мысль о крови всегда вызывает у меня тошноту», – ответил Фейн.

«Присядьте», – приказала Дуси. И когда он уже сидел в кресле, закрыв глаза и пытаясь взять себя в руки, она встала рядом с ним, похлопав его по плечу по-матерински, и сказала, поймав взгляд Иона Мэриона:

«Это война, вот что это такое».

Кривая ухмылка Мэриона была уродлива.

«Это не наша проблема», – сказал Ион Мэрион. «Кровь смывается, но грязь прилипает. Я ухожу, мисс Дириг. Можете так и сказать своему мужу. У него есть мой адрес. Он может написать мне, если я понадобится. Но я не собираюсь вмешиваться».

Внезапный шум голосов прервал его, потому что прибыл Новелло. Маркхэм не пытался произвести впечатление, не пытался принять серьезный вид, соответствующий его обязанностям. Он был просто усталым маленьким человеком, слишком занятым реальностью, чтобы тратить энергию на позерство. Он вошел и сел за стол начальника; и труппа окружила его, громко расспрашивая.

«Что нового, Нелло?»

«Они арестовали Баринг?»

«Где Дрюс? Он собирается продолжать?»

«Послушай, Маркхэм, я ухожу. Есть поезд в час тридцать, а я остался только из любезности».

Маркхэм не пытался отвечать индивидуально.

Он позволил всей труппе выговориться, а затем постучал по столу карандашом, который держал в руках, как дирижер постукивает палочкой, призывая оркестр к порядку. Труппа, признавая власть в маленьком человеке в мятой одежде и с красноватыми глазами, замолчала через минуту или две и застыла в ожидании.

«Я только что от Дрюса», – начал Маркхэм. «Он пока не очень-то готов, но нам нужно все уладить. Конечно, сегодня спектакля не будет; это было бы нехорошо. В любом случае, без двух ведущих актеров мы не можем продолжать. Поэтому я предложил, и Дрюс согласился со мной, что нам лучше закончить сезон сейчас».

Его прервали голоса:

«А как насчет зарплат?»

«А как насчет средств на проезд в Лондон?»

«Я должен был не соглашаться на это предприятие».

Маркхэм заставил всех замолчать, постучав карандашом.

«О зарплате можете не беспокоиться: всё будет в порядке. У Дрюса достаточно денег, чтобы расплатиться с нами и оплатить проезд до Лондона. Что касается переезда в другое место и завершения тура, то это невозможно. Во-первых, как я уже говорил, неразумно брать пару незнакомых нам актеров в труппу всего на две недели, даже если мы сможем найти их к завтрашнему дню. А во-вторых, у нас нет назначений в других театрах. Кроме того, Дрюс сам не хочет продолжать сезон. Он пережил сильный шок, и я могу признаться, что мне тоже не хочется играть спектакль, когда Магда мертва, а мисс Баринг в беде».

«Ты видел её, Нелло? Её ведь арестовали, да? Что с ней будет?»

Маркхэм снова проигнорировал все вопросы и отказался отступать от своего плана действий.

«У меня есть адреса других театральных компаний. Буду честен с вами, не исключено, что всем нам придется искать новое место работы. Я сейчас зачитаю вам контакты других компаний».

Он зачитал адреса театральных компаний, которые, как ему показалось, указывали на немодные направления: Лондон, северо-запад.

«London, W.C.», «London, S.E.» – так заканчивались все адреса. Список казался полным и правильным. Маркхэм убрал свой блокнот и продолжил:

«Вы получите свои деньги сегодня днём. Я позабочусь об этом. У меня есть чек, чтобы отнести его в банк. А сейчас пообедайте, и все возвращайтесь в три часа. Я бы и сам не отказался от перекуса».

Труппа приняла новость об увольнении, сделала свои замечания и разошлась с быстротой, которая, возможно, была вызвана ожидающими на обед отбивных, пикши и чашек чая. Только Хэнделл Фейн задержался. Маркхэм, уставший, голодный и не склонный к дальнейшим разговорам, проигнорировал своё очевидное беспокойство и повернулся к двери, Дуси щебетала у его локтя. Фейн колебался, затем решительно шагнул вперёд.

«Ну», – сказал Маркхэм, останавливаясь. «Что тебе? В три часа, я сказал. Ты не слышал? До этого времени ничего нельзя сделать».

«Что они с ней сделали?» – спросил Фейн.

«С ней? С кем? Мисс Баринг? В полицейском участке всё ещё, я полагаю».

«Бедняжка!» – сказала Дуси привычным тоном.

«Она... как она?» – настаивал Фейн. «Ты её видел?»

«Я видел её вчера вечером», – сказал Маркхэм, тронутый его беспокойством и очевидной причиной такого его беспокойства. «Она была немного ошеломлена».

«Она что-нибудь сказала?» – спросил Фейн и продолжил, не дожидаясь ответа: «Есть ли что-нибудь, что я мог бы сделать для нее?»

«Я не знаю», – ответил Маркхэм.

Сейчас Маркхэм перебирал в голове список компаний и думал об одном адресе, на который делал ставку. Сейчас только направление: Лондон. Но Фейн прервал его мысли криком.

«Боже мой, Маркхэм, они же не думают, что она это сделала? Они не могут думать, что она способна на это! Почему они арестовали её?»

«Им пришлось», – неловко сказал Маркхэм.

«Но, конечно, следствие её оправдает. Должно быть, это был какой-то несчастный случай!»

«Конечно», – вторила ему Дуси. «Но не беспокойте больше моего мужа, мистер Фейн. Он итак за сегодня очень устал».

Фейн отступил назад, опустив голову, пока Ион Мэрион, неся свой тяжёлый чемодан, сбегал по лестнице из примерочной, глядя вниз и поднося к губам костяшку указательного пальца, который, очевидно, недавно получил незначительный порез.

«Ну, пока, Маркхэм!» – отрывисто сказал он. «Извини и всё такое, старик! Жестокое дело. Хотел бы я помочь. Но я не могу ничем помочь. До свидания, мисс Дириг! Пока, Фейн!» И, снова приложив костяшки пальцев к губам, он вышел за дверь и исчез.

Дуси вздохнула и направилась к выходу. Маркхэм последовал за ней. Фейн из темноты коридора ошеломлённо смотрел им вслед.

«Знаешь ли ты», – сказала Дуси мужу, – «что он и Магда Дрюс провели вместе целый день в позапрошлом воскресенье? Знаешь ли ты», – продолжала Дуси со страстной выразительностью, – «что в прошлый четверг Гордон Дрюс поругался с ними обоими, потому что застал их обнимающимися в реквизитной комнате? Они, конечно, сказали, что репетируют», – великодушно добавила Дуси, – «и я осмелюсь сказать, что так оно и было. И всё же, ему не нужно было уходить, не сказав хотя бы: «Мисс Дириг, вот десять шиллингов шесть пенсов, и я буду очень признателен, если вы закажете цветы на могилку от моего имени. Бедняжка!

А ты нет? Ты так не считаешь?» – продолжила говорить мужу Дуси, когда они сели обедать печенью и беконом, запивая их крепким пивом. «Я бы лучше путешествовала по городам и весям с Фейном, каким бы вялым он ни был, чем с этим молодым. У Фейна есть сердце, по крайней мере, и голова тоже на плечах, бедняга! Попомни мое слово, Новелло, если Мартелла Баринг убила Магду, Хэнделл Фейн покончит с собой».

Она вздохнула. За всю жизнь Дусебелл Дириг только один мужчина намекнул, что не может жить без неё. Он делал ей романтические угрозы, но она так и не узнала, намеревался ли он их осуществить. Она вышла за него замуж.

ГЛАВА

IV

ВЫХОД СЭРА ДЖОНА

Нет, правда, я в среду с полчаса наблюдала за ним; он такой решительный! Он гонялся за золотой бабочкой: поймает, потом отпустит, и снова за ней.

Кориолан

Это была суетливая, но довольно оживленная вечеринка. Разговоры, перестановка стульев и звяканье чашек – всё это сопровождалось пением одного или двух гостей. Однако певцы были иностранцами, которые привыкли к таким явлениям и не были смущены. Местные певцы, напротив, относились к себе более серьёзно, и с каждым пронзительным шепотом и звоном их древесные ноты становились заметно более дикими.

Но эти иностранные гости лишь открывали рты, приятно улыбаясь, и пели с увлечением, словно для собственного развлечения. Слушатели не были обязаны быть вежливыми или использовать интеллигентные выражения во время их песен.

Конечно, подумала хозяйка, были времена, когда можно было быть благодарной иностранцам, не выглядя при этом непатриотичной. Она сказала это сэру Джону Сомаресу, который стоял рядом с ней. Он любил вечеринки и давно научился извлекать из них максимум, отказываясь от всех угощений и не подавая их другим.

Он мог делать все это благодаря магии своего присутствия. Дамы не ждали от него чашек чая и чувствовали бы себя обманутыми, если бы он тратил на это время, которое можно было бы потратить на разговоры с ними. Поэтому вечеринки не пугали его, и он часто посещал их, когда позволяли дневные спектакли. Теперь он стоял рядом с хозяйкой и создавал ей образ, наблюдая за приходом и уходом гостей. К нему подошла полная дама, облаченная в жемчуг.

«Мод», – сказала дама, – «завидуй мне. Я знаю одну знаменитость».

«Тебе повезло!» – вежливо ответила хозяйка.

«Кто это?» – спросил сэр Джон.

«Кто-то, кого никто из вас не знает», – продолжила дама. «Кто-то гораздо более захватывающий, чем все ваши сценические никем не значимые личности».

Сэр Джон выглядел задумчивым, но хозяйка не представила его. Это было бы жестоко. Вместо этого она сказала:

«Скажи мне! Ты умеешь интриговать, Ада!»

«Убийца», – торжествующе провозгласила дама.

«О, моя дорогая!» – сказала хозяйка. «Как это интересно!»

Но к этому времени она уже пять минут находилась на одном и том же месте; и хотя ей и было интересно, но она должна была привечать и других гостей. Она кивнула в сторону леди и сказала, прежде чем уйти: «Расскажи об этом сэру Джону, ладно? Он будет в восторге».

«Да, конечно», – спокойно ответила дама. «Я умираю от желания довериться кому-нибудь. Сэр Джон, кто вы? Неважно, не говорите мне. Я должна забыть об этом сразу. Ну, как я уже сказала, я знаю убийцу лично. Разве это не божественно?»

«Совершенно божественно», – ответил сэр Джон. «А кто она? И как вы с ней познакомились?»

«Вы что, газет не читали?» – изумленно спросила дама.

«Я редко читаю», – ответил сэр Джон.

«Я тоже», – сказала дама. «Это всегда кажется пустой тратой времени, не правда ли?»

«Согласен», – сказал сэр Джон.

«Ну что ж», – продолжила дама. «Я вам все расскажу, но сначала мне нужно выпить чашку чая, промочить горло».

«Чай», – неопределенно промямлил сэр Джон.

«Эта желтовато-коричневая жидкость, которую вам подают в чашках», – сказала дама.
«Вы не пьете?»

«Очень редко», – ответил сэр Джон. «И никогда не пью чай».

«Как вы правы», – произнесла любезная дама. «Но всё равно, многие люди испытывают тягу к этому напитку».

Сэр Джон окинул взглядом фигуру дамы и заметил: «Это полнит».

«Правда?» – спросила она, и её лицо вытянулось. «Даже с лимоном?»

«Конечно», – подтвердил сэр Джон. «Особенно с лимоном».

«О!» – воскликнула дама и вздохнула. «Тогда я лучше расскажу вам об убийстве сразу. Если я не могу пить, то мне нужно поговорить, чтобы отвлечься».

«Расскажите же мне», – произнес сэр Джон.

«Я думаю, что вы обманщик, заметьте!» – произнесла дама, пронизательно взглянув на него. «Но милый».

Иностранец начал петь.

«Не следует ли нам...» – начал сэр Джон, имея в виду, что им следует прекратить беседу и прислушаться.

Дама взглянула на певца. «Всего лишь итальянец», – сказала она. «И это та самая скучная песня Орфея о его жене. Где я остановилась, когда он нас прервал?»

«Лимоны», – предположил сэр Джон. «Их не кладут в чай, потому что они полнят».

«Я должна это запомнить», – сказала дама. «Как мало кто знает об этом! Полагаю, вы и вправду какой-то сэр Джон с Харли-стрит?»

«Нет», – с грустью ответил он. «С Шефтсбери-авеню».

«Вот как! Боже мой!» Дама задумалась на мгновение, а затем спросила: «Разве я не начала этот разговор с чего-то очень бестактного об актерах?»

«Вы?» – переспросил сэр Джон.

«Да», – кивнула дама и самодовольно добавила: «Как это ужасно! Нам не нужно вдаваться в подробности, не правда ли?»

«Расскажите мне об убийстве», – попросил сэр Джон.

«Конечно. Я чуть ни забыла. И так редко кто приходит на вечеринку, имея тему для разговора».

Дама, хотя и осталась стоять, сделала вид, что устроилась поудобнее, и продолжила:

«Ну, на самом деле я знала родственников этой девушки в Индии. И я видела саму девушку».

«Это её убили?»

«Нет, нет, это она убила – кочергой. Убила другую женщину в припадке гнева. У неё было довольно угрюмое выражение лица в детстве, я помню».

«И кого она убила? И почему?»

«Актриса в той же компании. Обычная ссора, я полагаю, из-за какого-то мужчины. Мужчины всегда доставляют неприятности. Их следует держать на другой планете».

«Актриса, вы сказали?» – спросил сэр Джон. «Я должен её знать?»

«Убийцу? Вряд ли. Мартелла Баринг её звали. Необычно, не правда ли? Но и мать у неё была странная. Она коллекционировала табакерки».

«Мартелла Баринг», – повторил сэр Джон. «Я слышал это имя, но где?»

Певец взял очень громкую высокую ноту, и все разговоры вокруг них соответственно усилились.

«Негодник!» – закричала дама. «Не смейте говорить, что вы тоже её знаете!»

Певец затих, а вместе с ним и разговоры.

«Я думала, я одна такая», – посетовала дама своим обычным тоном. «Не забирайте у меня эту тему!»

«Мартелла Баринг», – сказал сэр Джон во второй раз. Его память сыграла с ним злую шутку. Такое имя – его не забыть. Было собеседование – темноволосая девушка – как давно это было? Почти год, наверное! Должно быть, это была она. Он рассеянно взял что-то с подноса, который держали перед ним, и продолжил вспоминать.

Да, было собеседование в театр, и теперь лицо девушки отчетливо всплыло в его памяти – смуглая, дерзкая, с детской улыбкой, которая ему нравилась. Слишком грубая, конечно, для его театра. «Что я ей сказал?» – озадачился сэр Джон. «Отправил ли я её на гастроли? Сказал ли я ей пойти работать в магазин? Не могу вспомнить!» Любопытная, умная, прямолинейная девушка – да, такой она была. Очень странно.

Он рассеянно поднёс ко рту то, что принял с подноса. У напитка был мягкий, знакомый вкус, который напомнил ему о мире дневных вечеринок. Он огляделся в поисках дамы. Она всё ещё была рядом, глядя на него с какой-то шуточной завистью.

«Что это?» – спросил сэр Джон.

«Чай!» – решительно сказала дама. «И это была последняя чашка на подносе; и вы взяли её; и вы знаете мою убийцу. Я могла бы отравить вас за это».

Она любезно кивнула и ушла.

Сэр Джон нашёл свою хозяйку, попрощался и решил пойти в клуб. Ему нужен был стимул для мужского разговора. Но в какой клуб? В «Экзотике» все были слишком умны, а в «Минерве» – слишком вялы.

В конце концов, он остановился на «Уайлдернесе» и спокойно поехал туда по богатым лондонским улочкам.

В курительной комнате его встретил Ратвен Трейл.

«Привет, Джон!» – сказал майор Трейл. «Что с тобой? Ты выглядишь как на своей фотографии».

«Не дай Бог!» – ответил сэр Джон, как от него и ожидалось.

«Джонни устал подписывать чеки», – сказал другой друг.

«Скорее всего, он их носит», – сказал Ратвен Трейл, критически оценивая мешковатые брюки сэра Джона.

Сэр Джон рассмеялся приятным смехом, который он приберегал для подобных насмешек, и заказал стакан хереса.

«Вы заметили ленту, когда проходили мимо?» – спросил друг.

«Нет», – ответил сэр Джон. «Почему я должен был заметить?»

«Последняя гонка», – лаконично сказал друг, направляясь к двери. «Тебе интересно, Ратвен?»

«Пенни-Уистл за место», – ответил Трейл.

«Никакой надежды», – сказал друг и ушёл.

«Мне всегда трудно следить за вашими разговорами о скачках», – пожаловался сэр Джон.

«Не так сложно, как за лошадьми», – с обидой сказал майор Трейл. «Я сбросил восемнадцать фунтов на этой неделе. Ну, а чем ты занимаешься? Жизнью наслаждаешься?»

«Двигаюсь вперёд», – сказал сэр Джон, отпивая глоток хереса.

Друг вернулся в курительную с недовольным видом.

«Ещё не всё», – сообщил он. «Ничего, кроме отчета об этом расследовании где-то в Уэльсе. Это просто отвратительно. Вот очень важная новость, которую задерживают, чтобы предоставить общественности массу неприятных подробностей».

«Это он про красотку из вашей профессии», – сказал сэру Джону майор Трейл. «Темпераментная леди, которая убила свою соперницу. Я только удивляюсь, что такое не случается чаще».

«Да, такая глупость», – не унимался друг. «Они должны сообщать что-то действительно важное, от чего зависят большие деньги».

«Она, должно быть, татарка, эта девчонка», – сказал майор Трейл. «Кочергой убила, только подумайте! И пригласила жертву поужинать первой! Однако вы всегда найдёте женщин, которые берутся за преступление гораздо более основательно, чем мужчины. Странно, что эта девчонка, похоже, не совсем того класса, от которого можно было бы ожидать подобное».

«В Скотленд-Ярде тебя это не коснётся, не так ли?» – спросил друг.

«Нет, они контролируют ситуацию на местах. Мы, конечно, будем ждать. Но даже главный констебль страны не смог бы повернуть такое». Он повернулся к сэру Джону. «Говорят, её родственники довольно порядочные, кажется, в Индии служат. Эта девушка хотела пойти на сцену – хотела сама зарабатывать себе на жизнь. Осмелюсь предположить, что это была не единственная причина. Есть много способов заработать на жизнь, чем только сцена. Почему девушки уходят из дома, Джонни? Боятся, что их бросят первыми?»

Сэр Джон стряхнул пепел со своих брюк и холодно сказал:

«Думаю, тебе нужно немного попридержать язык, Трейл. Кстати, я знаю мисс Баринг».

Он вышел из курительной комнаты, оставив за собой оцепенение, и, честно говоря, немного удивлённый собой. Он поддался импульсу, но это было пустяком. Такое часто случилось.

Его поразило направление, которое принял импульс. Он едва не устроил сцену – он, который никогда не устраивал сцен, кроме как между восемью тридцатью и одиннадцатью, – и публично принял в качестве знакомого женщину, обвиняемую в убийстве, которую едва знал в лицо. Он был расстроен; прошло полчаса, прежде чем он смог прийти в себя.

ГЛАВА

V

ЧЁРНЫЙ, БЕЛЫЙ

Вот я стою; судите, господа мои.

Генрих IV, часть I

Мартелла Баринг с любопытством рассматривала зал суда, где собрались ее обвинители, защитники, судья и множество незнакомцев. Это была плохо освещенная комната с тусклыми панелями, далеко не такая впечатляющая, как сцены из фильмов.

Судья, хотя она знала, что он выдающийся и остроумный, казался незначительным по сравнению с судьями на сцене, которые всплывали в ее памяти, например, с дожем Венеции. Его красная мантия была сильно изношена, парик потерт, а маленькое пунцовое лицо выражало лишь сердитость, когда он вглядывался поверх пенсне в шуршащую галерею.

Ее собственный адвокат, Соуэрби Симс, также не произвел на нее впечатления. Он был худым, похожим на птицу человеком с маленькой головой, на которой его парик сидел еще нелепее. Он не улыбался ей, чтобы придать уверенности. На самом деле, он вообще не обращал на нее внимания, но разговаривал со своим подчиненным и даже искренне смеялся один или два раза.

Обвинитель напомнил ей серьезного, стареющего ретривера: его волосы были завитками, как шерсть этой породы собак, и у него было такое же добросовестное выражение лица.

Все деятели судебного процесса носили свои мантии с безразличием студентов.

Она рассматривала присяжных, которые сейчас приносили присягу. Их лица были похожи на лица людей, которых она видела в автобусах. Расплывающиеся лица толпы. Их имена, быстро прочитанные, их голоса, тихо произносящие клятву, не имели для нее значения.

Они не были личностями, они были присяжными, и от них зависела ее жизнь или смерть. Но она не могла этого осознать, и они казались ей в их собственном самосознании, их повседневной тщетности такими же неадекватными, как те присяжные, перед которыми Алиса давала показания в суде над Червонным Валетом.

Галерея была интереснее. Она привыкла к галереям и не боялась этой, которая, однако, больше походила на бельэтаж, если говорить об одежде. Слегка напуганная делопроизводителями, презирующая присяжных, Мартелла искала утешения в этой беспокойной, но внимательно-жадной публике. Как обычно, она бессознательно выбрала одно из множества лиц, чтобы играть для него.

Она выбрала лицо мужчины – как будто бы знакомое, но в этом тусклом свете странное. Оно обладало редким качеством, которое она узнала: стать и сдержанность.

Где она видела это лицо раньше: в Лондоне, в Индии?

Пока она размышляла, женщина в ряду перед ним наклонилась к соседу, и он скрылся из виду. Мартелла Баринг, услышав, как произнесли ее имя, обратила внимание на клерка суда.

«Уважаемые присяжные», – говорил он, – «Мартелла Баринг обвиняется по результатам расследования коронера в преднамеренном убийстве Магды Дрюс, известной как Магда Уорвик. В этом обвинительном заключении и расследовании она заявила о своей невиновности, и ваш долг – выяснить, виновна она или нет».

Присяжные, услышав эту речь, уставились на секретаря суда, затем на заключенную и, наконец, перевели взгляд на мистера Танкерея, королевского прокурора, когда он встал, чтобы произнести вступительную речь.

Он изложил факты: обнаружение убийства, оружие, присутствие заключенной в комнате с мертвым телом, звуки спора, которые ранее слышала женщина в доме. Он хотел показать, что мертвая женщина и обвиняемая некоторое время до ночи убийства были не в лучших отношениях; он хотел показать, что обвиняемая была последним человеком, который видел мертвую

женщину живой. Мистер Танкерей остановился, сверился со своими бумагами и вызвал своего первого свидетеля.

Полицейский хирург, доктор Тренч, сказал, что его вызвали рано утром 28 сентября в дом номер десять по Ридженси-Террас. Там он обнаружил мертвую женщину. Причиной смерти стала травма головы, которую он описал. Рана, очевидно, была нанесена таким инструментом, как кочерга, предъявленная в суде. Он осмотрел кочергу в ту ночь и, судя по крови на ней, был уверен, что это было орудие, которым было совершено преступление. Женщина, которую он видел, была мертва уже полчаса. Затем он направился в полицейский участок, где увидел обвиняемую. Она выглядела ошеломленной, и от нее пахло спиртным. Она жаловалась на головную боль.

Допрошенный мистером Соуэрби Симсом, он не смог точно сказать, находилась ли обвиняемая под воздействием алкоголя, когда он ее увидел. Ее речь не была нарушена, она произносила слова правильно, но она не разговаривала как человек, полностью владеющий собой.

Мистер Новелло Маркхэм рассказал суду, как он услышал, что его работодатель, мистер Дрюс, стучится в дверь дома номер десять по Ридженси-Террас, и как он спустился к нему. Пока они ждали, чтобы им открыли дверь, он услышал два крика женского голоса.

Он вошел в дом и в комнату на первом этаже, где лежала мертвая женщина, первым. Обвиняемая стояла рядом. Кочерга, вся в крови, лежала у ее ног. На платье обвиняемой и на одной ее руке была кровь. Он заговорил с ней, но она приложила руку к голове и не ответила. Он пощупал пульс мертвой женщины.

Пульса не было, но он подумал, что миссис Дрюс еще жива, и попросил у хозяйки квартиры, мисс Митчем, бренди. Она сказала, что у обвиняемой есть немного во фляге.

И сама обвиняемая сказала, что во фляге был бренди, но когда он взял флягу со стола, она оказалась пуста. Он вернулся в свою квартиру и принес немного своего бренди. Когда он снова прикоснулся к миссис Дрюс, он понял, что она, должно быть, мертва. Позже он отправился с констеблем, мистером Дрюсом, и обвиняемой в полицейский участок.

Он знал Мартеллу Баринг лишь в то время, когда она работала в труппе, около семи недель.

Она всегда была вежлива с ним и его женой, хотя другие члены труппы не очень ее жаловали. Он понимал, что между миссис Дрюс и мисс Баринг существовало непонимание. Миссис Дрюс сказала ему об этом, и он сам это видел. Когда мисс Баринг не вернулась в труппу после двухдневного отсутствия, он предположил, что она уже и не вернется.

На перекрестном допросе мистера Симса свидетель рассказал, что труппа обычно ставила новую пьесу каждые три дня. У обвиняемой обычно были длинные роли. Она была вынуждена работать усерднее, чем остальная часть труппы, которая уже знала свои роли. Обвиняемая всегда была безупречна в словах, и на неё можно было положиться. Она работала чрезвычайно усердно. Он никогда не замечал в ней признаков нехватки самообладания – совсем наоборот.

Однако когда его повторно допросил мистер Танкерей, свидетель признал, что у мисс Баринг был вспыльчивый характер. Она не терпела глупостей ни от кого. В целом, она не пользовалась популярностью в труппе, хотя раз или два ей удавалось спасти сцену от катастрофы. Он описал случай, когда актёр «высох и потерял голову». Мисс Баринг взяла на себя его реплики, тем самым спасла ситуацию. Она всегда демонстрировала замечательное присутствие духа.

«Проклятый Танкерей! – подумал мистер Симс. – Я понимаю, что он задумал. Мои свидетели характера не привнесут. Её самообладание – палка о двух концах. Посмотрим, что скажет Дрюс».

Муж убитой женщины, вызванный следующим свидетелем, рассказал, как он отправился на поиски своей жены в половине третьего утра 28-го числа. Он знал, что она ушла ужинать

с обвиняемой. Он рассказал, как постучал в дверь, как к нему присоединились Маркхэм и полицейский, и как их разговор был прерван криком.

Гордон Дрюс, очевидно, в течение недель после трагедии топил свои заботы в бокале. Его сливовое лицо было покрыто пятнами, а глаза и руки дрожали. Он был одет в серый костюм, такой же, как у сэра Джона Сомареса два сезона назад в последнем акте «Дипломатического пудинга»; его манеры соответствовали той же модели. Вышеназванный создатель и костюма, и манер, сидевший на галерее, обнаружил, что этот человек ему не нравится с такой силой, которую он не мог объяснить.

Вся ловкость его адвоката, вся трагедия, в которую он вляпался, не могли сделать Дрюса симпатичной фигурой. Его злость против Мартеллы Баринг была ничтожной; достаточно естественной в данных обстоятельствах, но столь безнадежной, что её нельзя было простить. Когда он рассказал о крике, который напугал его, когда он стоял на серой улице, суд наслаждался удивлением и сенсацией. Мистер Танкерей спросил:

«Вы слышали крики обвиняемой раньше во время исполнения одной из её ролей?»

«Да, на репетиции, за два дня до этого».

«Она делала это хорошо?»

«Исключительно хорошо. Я отчетливо помню, как хвалил её».

«Вы узнали её голос в том другом крике, который вы услышали, стоя на ступеньках?»

«Да, узнал. Это был тот же самый крик».

«По вашему мнению, обвиняемая является хорошей актрисой?»

«Удивительной, учитывая её неопытность».

«Вы когда-нибудь замечали, что она страдает страхом сцены?»

«Никогда. За все годы, что я руковожу театральными постановками, я никогда не встречал ни одной молодой актрисы, которая была бы столь сдержанной».

«Как вы думаете, могла бы такая девушка, оказавшись в столь трагической ситуации, потерять голову и закричать?»

«Нет; это было бы последнее, что она сделала бы».

Адвокат задал ещё один или два вопроса, но не стал развивать тему. Он добился своего: Дрюс не был свидетелем, которым можно было бы гордиться. Он отпустил его.

Однако адвокаты защиты не были готовы так легко его отпустить.

«Вы признали под присягой, мистер Дрюс», – сказал Соуэрби Симс, – «что вы уже выпили в промежутке между одиннадцатью тридцатью и двумя тридцатью часами ночи всё содержимое бутылки виски. В каком состоянии были ваши способности после этого?»

«Я рад сообщить, что одна бутылка виски не оказала никакого влияния на мои способности».

«Осмелюсь предположить, что это так. Как вы думаете, вы были в состоянии судить, был ли такой звук, как крик, подлинным или нет?»

«Я был определённо трезв. Я слышал крик подсудимой».

«Вы хотите сказать, что в тот час, при тех обстоятельствах и после такого количества выпитого вы могли различить, кто кричал через закрытую дверь?»

«Я в этом уверен. Я слышал, как подсудимая издавала такой же крик два дня назад во время репетиции».

«Как вы можете быть в этом уверены?»

«Слава богу, я уверен».

«Скажите, а как это так вы можете различать крики?»

«Хорошая память – часть моей профессии».

«Можете ли вы поклясться, что услышанный вами звук не был криком другого голоса или результатом другого звука?»

«Я ни с чем не спутаю крик этой наглой молодой женщины».

«Вы клянетесь, что этот крик принадлежал Мартелле Баринг?»

«Да, клянусь».

«Под присягой?»

«Да, конечно».

Адвокат отпустил его.

Вызвали мисс Митчем, хозяйку дома №10 по Ридженси-Террас. Она рассказала, что вечером 27 числа мисс Баринг попросила её приготовить ужин на троих. Она так и сделала, но не стала покупать спиртные напитки. У мисс Баринг было немного бренди, которое она держала во фляге. Мисс Митчем видела эту флягу на туалетном столике как раз перед тем, как дамы вошли в дом. Она была наполовину полна, и, насколько могла судить, в ней был почти стакан бренди.

Услышав, как вошли мисс Баринг и её гостья, мисс Митчем легла спать и уснула ещё до полпервого ночи.

Позже её разбудили голоса внизу, они ссорились. Она не могла расслышать, что они говорили, но по тону поняла, что это были женские голоса. Она не могла поклясться, что это были голоса миссис Дрюс и мисс Баринг, но это были пронзительные голоса. Шум внезапно прекратился, и после этого не было слышно никаких голосов вообще. Мисс Митчем снова уснула, предположив, что миссис Дрюс ушла домой.

Некоторое время спустя, она не знала, как скоро, её снова разбудил стук. Это был муж покойной женщины, мистер Дрюс. Она велела ему уходить, а затем услышала крик. Она сразу же спустилась вниз и впустила полицейского, мистера Дрюса и другого джентльмена. Она не пошла в комнаты на первом этаже, чтобы узнать, в чём дело. Она подумала, что будет лучше, если мужчины сами посмотрят, всё ли в порядке.

Она подтвердила описание комнаты Маркхэмом и исчезновение бренди. Она не могла сказать, что мисс Баринг была пьяна. Она была не в себе, но не пьяна. Она никогда не притрагивалась к спиртному и пила бренди только в случае болезни. Мисс Митчем никогда не замечала, чтобы мисс Баринг пила что-либо, кроме небольшого количества пива во время обеда.

Ион Мэрион, следующий свидетель, был одним из тех англичан с длинными лицами, большими носами и пухлыми губами, которые при всей своей красоте напоминают портреты поздних Медичи. Возможно, не только внешне, но и своей натурой. Жестокие, умные, стяжательные, любящие искусство, но не художники. Такие прототипы встречаются во всех профессиях, и они никогда не оказываются в проигрыше.

Его допрашивали относительно профессиональной ревности, которая существовала между покойной женщиной и обвиняемой. Миссис Дрюс однажды сказала ему в присутствии Фейна, что она определенно боится Мартеллы Баринг. Он понял, что она имела в виду, что мисс Баринг играла злодейку на сцене с излишней интенсивностью. Миссис Дрюс несколько раз жаловалась, что мисс Баринг вкладывает слишком много энергии в свою игру; однажды она показала ему синяк на плече, который получила, упав на стол во время сценической борьбы.

Он не придавал значения тому, что сказала миссис Дрюс. Все в труппе знали, что эти две женщины не любят друг друга. Мисс Баринг никогда не теряла самообладания на сцене; с другой стороны, она иногда была довольно тревожной. Что он имеет в виду? Ну, её игра иногда была преувеличенной. Порой она переигрывала с эмоциями.

Лично он предпочитал изящество суматохе в актерской игре.

Мистер Соуэрби Симс, понимая, что личность этого свидетеля не вызывает симпатии у присяжных, ответил на реплику:

«В каких отношениях вы были с миссис Дрюс?»

«В лучших из условий».

«Что вы имеете в виду?»

«Мы с миссис Дрюс были очень хорошими друзьями. Она всегда была ко мне очень добра».

«Вы были с ней в дружеских отношениях?»

«Что вы имеете в виду?»

«Не были ли ваши отношения интимными?»

«Какое это имеет отношение к этому делу? Нет, таких отношений у нас не было».

«Насколько же хороши были ваши отношения, что она показала вам синяк на плече?»

«Это было во время репетиции. Она была в вечернем платье».

«Я предполагаю, что вы были в близких отношениях с миссис Дрюс».

«Ваше предположение – ложь, а вы – лжец».

Вмешался судья. Мистер Симс задал ещё один или два вопроса и сел, думая: «Есть ли в этом что-то? Нет, нет. Нужно придерживаться основной линии. Если мы не уличим их на этом, то и нечего возводить напраслину».

Потом он подумал о бедняге Хэнделле Фейне. Фейн действительно выглядел больным, когда стоял на свидетельской скамье, хотя болезнь не могла испортить его театральную красоту. Он был высок, смугл, черноволос, с глубокими глазами под пушистыми бровями; прямой нос с раздуваемыми ноздрями, румяные скулы и полный, хорошо очерченный рот. Он постоянно, с тоской, смотрел на Мартеллу Баринг. Она улыбнулась ему материнской улыбкой; он ответил ей печальной улыбкой. Так вот оно что, подумал Сауэрби Симс, наблюдая; он в состоянии огромного горя. Он бы отдал все, чтобы быть на скамье вместо неё. Избавить ее от страданий. Бедняга!

Мистер Фейн подтвердил рассказ Иона Мэриона о взаимной неприязни двух женщин. Он не мог этого понять. Мисс Баринг была сама доброта к нему и другим членам труппы. Она помогала ему всеми возможными способами; если он когда-нибудь снова обретет самообладание, то это будет только благодаря ей. Вот какая она девушка! Адвокат прервал его вопросом о страхе покойной женщины перед обвиняемой. Да, он слышал, как миссис Дрюс сказала, что она боялась обвиняемую. Это было при Мэрионе. Но это ничего не значило. Если вообще что-то значило, так это то, что мисс Баринг была бесконечно лучшей актрисой, чем кто-либо другой в труппе, и миссис Дрюс знала это.

Мистер Танкерей не задержал мистера Фейна надолго.

И мистер Симс тоже. Он был слишком восторженным, не был хорошим свидетелем. И он был так очевидно влюблён в Мартеллу Баринг, что все, что он мог сказать в её пользу, было бесполезно. Его отпустили. Его показания завершили дело обвинения.

Началось дело защиты. Мистер Симс прекрасно знал, что и присяжные, и галерея гадали, что он им скажет. Его клиентка не признавала себя виновной; но как мистер Симс собирался это доказать, ни галерея, ни присяжные не могли догадаться.

Он не представил никаких доказательств обвинения. Он позволил установить самые очевидные факты, не сделав ничего, кроме простого факта наличия ссоры. Однако у него была репутация, и в надежде на то, что он оправдает её и предоставит им ещё больше зрелищ, зрители вытянули шеи, а суд стал внимателен, когда он вызвал своего первого свидетеля – маленького, пожилого, тихого и чрезвычайно здравомыслящего доктора Джеймса Стрингфеллоу с Кавендиш-сквер, известного специалиста по нервным заболеваниям.

Защита началась довольно гладко.

«В своей профессиональной деятельности вы сталкивались со многими расстройствами, корни которых лежат глубоко в сознании?» – спросил адвокат.

Доктор Стрингфеллоу подтвердил это.

«Среди этих расстройств есть психический процесс, известный как диссоциация, не так ли?» – продолжил адвокат.

Доктор Стрингфеллоу снова подтвердил.

«Не могли бы вы объяснить это присяжным как можно проще?» – попросил адвокат.

«Я могу объяснить это следующим образом. Предположим, человек переживает неприятный опыт. Он пытается выбросить его из головы и обращается за помощью к подсознанию. Он может не допустить попадания этого опыта в сознание, но от этого он не становится менее активным. Эта независимая деятельность подавленного опыта обычно называется диссоциацией», – ответил доктор Стрингфеллоу.

«Эта деятельность может принимать множество форм?» – уточнил адвокат.

«Она многогранна», – подтвердил доктор Стрингфеллоу, избегая иносказательности.

«Известна ли одна из этих форм как фуга?» – продолжал адвокат.

«Да, это так», – ответил доктор Стрингфеллоу.

«Вы можете объяснить присяжным, что именно подразумевается под этим термином?» – попросил адвокат.

Доктор Стрингфеллоу привёл пример из своего собственного опыта. Он рассказал о молодом человеке, который спокойно сидел и читал, но внезапно оказался в незнакомой части Лондона – Гринвиче, месте, где он, насколько ему известно, раньше не был. Когда он сел за стол, у него в кармане был один шиллинг и несколько пенсов. Эти монеты исчезли, за исключением полпенни; предположительно, часть из них была потрачена на оплату проезда. Ему пришлось идти обратно без шляпы к своему жилищу, расстояние около шести или семи миль. С момента, который он помнит в последний раз, когда он сел читать, и до момента, когда он пришёл в себя в Гринвиче, прошло три часа, о которых он вообще не помнил. Это очень яркий пример состояния диссоциации, к которому применяется этот термин.

«Так что, находясь в этом состоянии, человек может демонстрировать поведение самого сложного рода, длящееся в течение значительного периода времени, о котором он совершенно не осознаёт, как бывает в нормальном состоянии?» – уточнил адвокат.

«Это так», – подтвердил доктор Стрингфеллоу.

«По возвращении в нормальное состояние не остаётся ли воспоминаний о действиях, которые были выполнены во время фуги?» – продолжал адвокат.

«Никаких. Опыт каждой фазы недоступен для другого в обычных условиях», – ответил доктор.

«Эта активность подавленного опыта может иметь место у людей, которые в остальном кажутся нормальными?» – спросил адвокат.

«Это так», – подтвердил доктор Стрингфеллоу.

«Возможно ли, что люди в таком состоянии будут совершать действия, которые в их нормальном состоянии были бы для них невыносимы?» – продолжал адвокат.

«Вполне возможно», – ответил доктор Стрингфеллоу.

«Например, такой человек может даже совершить акт насилия?» – предположил адвокат.

«Я бы сказал, что это возможно», – ответил доктор, не зная ни одного случая, когда бы это произошло. Однако это теоретически возможно.

«Если предположить, что такой акт был совершён, то не останется ли о нём каких-либо воспоминаний, когда человек вернётся в сознание?» – спросил адвокат.

«Никаких. Но выражение «вернется в сознание» вряд ли корректно. Субъект фуги не может быть назван бессознательным», – ответил доктор, сравнивая состояние сомнамбулизма с состоянием фуги.

«Не могли бы вы рассказать нам о разнице между сомнамбулизмом и фугой?» – продолжил адвокат.

«Между ними есть близкое сходство; фактически никакой разницы нет, за исключением того, что одно происходит в состоянии сна, а другое – в бодрствовании. Но эти два термина не следует путать; они не являются синонимами», – объяснил доктор.

«Следует ли ожидать, что человек, который ходил во сне в детстве, впоследствии будет подвержен фугам?» – спросил адвокат.

«Не обязательно, хотя в обоих случаях диссоциация может быть вызвана тем же подавленным опытом, принимающим другую форму», – ответил доктор.

«Вы слышали показания доктора из Периду о состоянии, в котором мисс Баринг была найдена после трагедии. Вы слышали показания полиции и другие показания относительно её поведения. Насколько вы можете судить, созвучно ли это поведению человека, выходящего из состояния фуги?» – спросил адвокат.

«Это возможно, но я не могу дать определённого мнения в таком случае», – ответил доктор, признавая, что не видел её в этом предполагаемом состоянии и не может дать мнение, основанное на слухах.

«Я спрашиваю, соответствует ли описание её поведения тому, чего можно было бы ожидать от человека, выходящего из состояния фуги?» – уточнил адвокат.

«Насколько можно судить по имеющимся данным, да».

«Переход от альтернативного сознания к полному сознанию происходит внезапно?»

«В большинстве случаев мгновенно».

«Будет ли определенный шок? Трудности адаптации личности к неожиданной обстановке?»

«Смушение, да».

«Такое смушение, которое, по словам доктора Тренча и мистера Маркхэма, они наблюдали у мисс Баринг?»

«Оно было бы естественным для человека, выходящего из состояния фуги».

«Каков был бы эффект алкоголя, если бы его принял человек в этом состоянии?»

«Очень трудно сказать. У меня не было случая наблюдать его воздействие на человека, страдающего фугой».

«Предположив, что человек легко поддается влиянию в нормальном состоянии, ожидаете ли вы такой же реакции на алкоголь в ненормальном состоянии?»

«Вероятно, реакция будет похожей».

«Не могли бы вы рассказать нам об условиях, которые, по вашему мнению, способствуют возникновению состояния диссоциации?»

«Я бы сказал, грубо говоря, предшествующее умственное напряжение; любое волнение или давящая тревога».

«Например, умственное напряжение от заучивания наизусть большого количества слов за очень короткое время? Этого будет достаточно?»

«Я бы сказал, в некоторых случаях».

«Психическое напряжение: потребление непривычного количества крепкого спиртного, за которым следует возбуждение или ссора; могут ли они поспособствовать, чтобы вызвать такое состояние?»

«Предшествующее психическое напряжение само по себе может сделать это. Алкоголь вызовет физическое возбуждение и потерю контроля. Фуга, однако, как я сказал, является результатом психического расстройства».

«Алкоголь может быть ответственным за некоторые действия, совершаемые во время фуги?»

«Мы можем предположить, я думаю, что если человек в нормальном состоянии подвержен возбуждению алкоголем, то он будет возбужден таким же образом и в ненормальном состоянии. Разница заключается в том, что в нормальном состоянии человек в некоторой степени осознает свои собственные действия, в ненормальном состоянии он не будет их осознавать».

«И, следовательно, не несет за них ответственности?»

«Я бы сказал, нет».

Теперь, подумал мистер Симс, посмотрим, как парирует это Танкерей. Психиатр – хороший свидетель, и это оригинальная линия защиты. И водонепроницаемая. Но я хотелось бы знать, правда ли все это.

Мистер Танкерей бросил своему ученому другу взгляд, полный одобрения, и заправил мантию жестом, который предупреждал суд, что он на высоте. Он начал с некоторой резкостью, в том, что было известно непочтительным как его ранняя манера.

«Вы говорите, что человек, входящий в состояние фуги, не проявляет никаких внешних симптомов, по которым его состояние можно было бы диагностировать?»

«Нет».

«И при выходе из него?»

«Нет».

«На самом деле у вас нет ничего, кроме голых слов самого страдальца, что он вообще вошел в это состояние?»

«Моя профессия и ваша, сэр, имеют разную точку зрения. Мы не считаем всех людей потенциальными лжецами».

Судья: «Не делайте замечаний. Ограничьтесь ответами на вопросы прокурора».

Прокурор: «Поведение страдальца в этом состоянии внешне нормально. Он один осознает тот факт, что полностью осознал себя. Никакие внешние признаки не отмечают перемен. Разве не было бы очень легко виновному человеку воспользоваться этими фактами?»

«Вы имеете в виду, симулировать такое состояние? Да, если бы он знал, что такое состояние существует, что маловероятно».

«И все же вы говорите, что состояние фуги распространено?»

«Не распространено; но хорошо известно представителям моей профессии. Я не думаю, что это знакомо мирянам».

«Есть ли какая-либо заметная разница между человеком в состоянии опьянения и человеком в состоянии фуги?»

«Конечно, существует большая разница. Пьянство проявляется в физических симптомах, а фуга – нет».

«Часто ли человек выходит из состояния опьянения с головной болью?»

«Я так думаю».

«Просыпается ли человек с головной болью после фуги?»

«Насколько мне известно, нет».

«Существует множество книг, изданных по психологическим проблемам, не так ли?»

«Да, по-моему, слишком много».

«Описано ли в этих книгах состояние, известное как фуга?»

«В некоторых из них».

«Вы ожидаете, что в библиотеке врача будет одна или несколько таких книг?»

«Это будет зависеть от того, интересовался ли он этим предметом».

«Однако было бы необычно найти такие книги в библиотеке врача, независимо от того, специализировался ли он на этом предмете или нет?»

«Нет, полагаю, нет».

«Такие книги были бы понятны мирянам?»

«Я не могу ответить на этот вопрос. Это будет зависеть от книги и от читателя».

Свидетеля отпустили. Если они смогут доказать, что она читала одну из этих проклятых книг, подумал мистер Симс, всё это пойдёт насмарку. Но я не понимаю, как они могут это сделать.

Мистер Симс продолжил с пылом, когда увидел леди Пламттр! Она была следующей вызванной свидетельницей и принадлежала к знакомому типу: худая, с носом попугая, жена

солдата, сама драгун; правдивая, снобистская, справедливая и лишённая воображения англичанка.

Да, её муж служил в индийской медицинской службе. Да, она знала Мартеллу с детства; училась в школе с её матерью, которая умерла, когда родилась Мартелла; видела ребёнка почти ежедневно в Индии. Когда ребёнка отправили домой, она видела её, когда они с мужем были в отпуске. У неё не было своих детей. После смерти отца Мартеллы она предложила, чтобы девочка приехала в Индию, чтобы жить с ними, когда закончит школу. Мисс Баринг, конечно, внесла свой вклад в расходы по дому. У неё был небольшой собственный доход. Так продолжалось до тех пор, пока Мартелле не исполнилось двадцать. Затем она захотела зарабатывать себе на жизнь самостоятельно; и она, леди Пламптр, не чинила ей никаких препятствий. Она не видела Мартеллу в последнее время; она вернулась домой, когда её муж умер в прошлом году, и с тех пор жила в Сен-Жан-де-Люз, где жизнь была дешевле; присоединилась там к некоторым англо-индийским друзьям из довольно небольшой колонии.

Адвокат защиты: «Я полагаю, леди Пламптр, вы знаете мисс Баринг лучше, чем кто-либо другой? Вы были для неё матерью?»

Леди Пламптр: «Я, конечно, сделала всё, что могла».

«Вы знаете её так, как можно узнать только при ежедневном общении. Какова ваша оценка её характера?»

«Нелепо обвинять её в таком преступлении. Её отец был выдающимся человеком».

«Не беспокойтесь об отце. Вы бы сказали, что она была по природе доброй, щедрой и уравновешенной?»

«Я думаю, это правда. Иногда немного своенравной».

«Но вы бы не описали её как неконтролируемую в каком-либо отношении?»

«Нет, определённо нет».

«Ни в коем случае не жестокую?»

«Нет».

«Точно не жестокую?»

«Нет, она терпеть не могла жестокость. Единственный раз, когда я видела, как она вышла из себя, был из-за лошади, с которой плохо обращались».

«Из вашего личного опыта, как вы думаете, вероятно ли было, что она когда-либо ударит другую женщину?»

«Конечно, нет. Она знает, как себя вести».

«Вы не можете представить себе никакой провокации, которая могла бы поколебать её контроль до такой степени?»

«Нет, совершенно абсурдно. Она была очень тщательно воспитана в моём доме».

«Её самообладание необычайно?»

«Да, для современной девушки».

Обвинитель вскочил на ноги; здесь был запах, который мог быть затхлым или мог привести к охоте. Стоило попробовать. Он воздержался от своих обычных бурных методов с этой свидетельницей, которая производила впечатление, что могла бы справиться с такими методами очень достойно. Почти, он был вежлив. Мистер Танкерей сказал: «Вы расскажете нам причину, по которой мисс Баринг покинула убежище вашей крыши после того, как наслаждалась ею в течение трёх лет?»

«Она хотела зарабатывать себе на жизнь; я не возражала».

«Что привело её к такому решению?»

«О, увлечение сценой! Она играла один или два раза в любительских спектаклях в Симле. Это вскружило ей голову».

«Разве у неё не было таланта, по-вашему?»

«Это не имеет никакого значения, я так думала. Девушки в наше время совершенно не управляемы; они не обращают внимания на то, что говорят люди постарше, которые имеют полное право критиковать».

«Вы критиковали этот план, чтобы она сама зарабатывала себе на жизнь?»

«Её представление о сцене, безусловно. Я считала это совершенно неподходящим для нее занятием. Её отец был бы потрясен мыслью о том, что его дочь выставляет себя напоказ на публике, и я тоже».

«Однако вы позволили ей участвовать в любительских спектаклях?»

«О, но это было совсем другое дело!»

«Почему же?»

«Наместник был покровителем. Все играли».

«Хотели или нет?»

«Да, конечно».

«Вы ясно выразили свое неодобрение?»

«Совершенно ясно».

«Была ли между вами какая-то ссора?»

«Не думаю, что понимаю, что вы имеете в виду».

«Горячие слова? Повышенный голос?»

«Я не привыкла вести себя как торговка рыбой; Мартелла тоже, надо отдать ей должное».

«Очень хорошо. Теперь, леди Пламптр, расскажите нам немного больше об этом инциденте с лошастью? Вы сказали, что с лошастью плохо обращались, и мисс Баринг вмешалась. Не будете ли вы так любезны, рассказать нам, что именно произошло?»

«Это было несколько лет назад, в Симле. Там была телега с очень большим грузом зерна, лошадь которой, казалось, плохо тянула. Мартелла сказала: "Мне кажется, с этой лошастью что-то не так". Я ответила: "Это не твое дело, дитя мое. Мы и так опаздываем на обед". Однако она не послушала меня. Она подошла к лошади и подняла ее хомут: там была большая рана. Тогда начался спор».

«Какого рода был этот спор?»

«Ну, он был чрезвычайно жарким. Она сказала, что этот человек не годится для того, чтобы управлять каким-либо животным. Он ответил очень нагло, и начала собираться толпа. Я силой оттащила девочку. Было непростительно устраивать такую сцену. Я сказала ей это потом».

«Не можете ли вы вспомнить какие-либо дальнейшие подробности спора?»

«Это было несколько лет назад. К тому же все это было совершенно неважно».

«До сих пор вы были достаточно обстоятельны. Вы сказали нам, например, что телега была нагружена зерном. Вы утверждаете, что не можете вспомнить никаких дальнейших подробностей этой сцены?»

«Она не произвела на меня никакого впечатления».

«Однако вы только что сообщили присяжным, что это был единственный случай, когда вы видели, как эта очень сдержанная девушка вышла из себя. Вы просите присяжных поверить, что не помните никаких дальнейших подробностей?»

«Я не знаю, почему вы настаиваете. Как я уже сказала, весь инцидент был совершенно незначительным».

«Я говорю вам, леди Пламптр, что вы не желаете дать полный отчет об этой сцене, потому что такой отчет нанес бы ущерб мисс Баринг?»

«Ничего подобного. Я не хочу каким-либо образом препятствовать закону. Если вы спросите меня вежливо, я отвечу».

Судья прервал его, наклонившись вперед: «Послушайте меня, пожалуйста. Вы здесь в положении свидетеля, чтобы отвечать на вопросы, а не судить о том, как они задаются. И вы не должны сами решать, существенны факты или нет».

«Мне жаль, милорд, но действительно...»

«Не извиняйтесь передо мной. Отвечайте на вопрос».

Мистер Танкерей, оправданный, возобновил свои расспросы: «Если я буду следить за своими манерами, леди Пламптр, я ожидаю, что ваша память не будет вас подводить. В ходе этой сцены с возницей мисс Баринг проявила агрессию?»

«Она была очень рассержена. Она использовала одно или два довольно сильных выражения. Возможно, ничего особенного, как принято говорить в наши дни. Если бы только она остановилась на этом».

«Она прибегла к действию?»

«Она схватила его хлыст и ударила им. Я не знаю, коснулась она его или нет».

«Теперь понятно. Этот инцидент, вы говорите, произошел в Индии?»

«В Симле, да».

«Это дикое место, я так понимаю. А в Симле нет полицейских?»

«Конечно есть, туземцы. Когда это случилось, совсем рядом со мной был туземный полицейский».

«Разве не было бы самым обычным решением вызвать полицейского и предоставить ему уладить дело?»

«Это именно то, что я сказала ей тогда».

«Но она была слишком взволнована, я полагаю?»

«Нелепица. Туземцы всегда плохо обращаются со своими лошадьми».

«Разве она была совсем не похожа на себя?»

«Она всегда была чрезвычайно упряма».

«Я говорю сейчас о самой вспышке. Она показала вам способность к гневу, которой вы не ожидали?»

«Естественно, я была удивлена».

«Вы никогда раньше не были свидетельницей такого отсутствия самообладания в ней?»

«Не в такой степени».

«Не меняют ли воспоминания об этом эпизоде, теперь, когда вы вспоминаете его более ясно, точку зрения, которую вы высказали в начале вашего допроса, что обвиняемая не способна ни при каких обстоятельствах совершить насильственное преступление?»

«Конечно, нет, учитывая ее воспитание».

«Однако то, что случилось однажды, может случиться снова?»

«Я думаю, это крайне маловероятно».

Мистер Танкерей поднял руку, когда она собиралась выйти из ложи: «Одну минуту, пожалуйста. Еще один или два вопроса. Ваш муж, как вы сказали, был врачом?»

«Да. В Индийской медицинской службе».

«У него была медицинская библиотека?»

«Конечно. Множество книг. Они были настоящей помехой каждый раз, когда мы переэжжали».

«Вы помните названия хоть одной из них? Темы, которые они затрагивали?»

«Бессмысленно спрашивать меня о книгах. Я не могу назвать вам ни одной. Мартелла всегда читала, но я думала, что мой муж тратил на книги слишком много денег, и они едва ли принесли хоть какую-то прибыль, когда я продавала их после его смерти. Так что бесполезно спрашивать о книгах, потому что я ничего не могу вам сказать!»

Слава богу, снова подумал мистер Соуэрби Симс, отпуская взглядом леди Пламптр! Последнее замечание почти испускает историю лошади; но не совсем. Не совсем. Что ж, впе-

реди нас ждет ночь. Он устало поднялся, когда судья покинул зал суда. Заседание этого дня закончилось.

**ГЛАВА
VI**

БЕЛЫЙ, ЧЕРНЫЙ

Все ж облегчу я сердце,

Хотя своей рискую головой.

Король Генрих IV, часть I

С уверенностью в своих силах мистер Симс вызвал следующего свидетеля – Терезу Энн Уолмсли. Он был уверен, что она не подведет его. Если бы она, подобно леди Пламптр, знала о каких-либо случайных глупостях, которые допустила девушка в юности, у нее хватило бы благоразумия не рассказывать об этом.

Когда она вошла в ложу, он улыбнулся Терезе Энн Уолмсли, известной в религиозных кругах как Мать Святая Губерта. Он бы гордился ею как свидетелем, если бы не тот факт, что она была католичкой – факт, который присяжные, увидев её в этом наряде, вряд ли могли не заметить. Её белое одеяние с чёрной вуалью, платье, просторное, но строгое, имело достоинство, которое, как и мантия судьи и его собственное платье, принадлежало более свободной и живописной эпохе.

Инцидент, о котором она должна была рассказать, произошёл, когда Мартелле было пятнадцать лет. Она готовилась к конфирмации «со своей обычной серьёзностью», как сказала Мать Святая Губерта, улыбаясь. Накануне церемонии её вместе с четырьмя другими девочками, которые должны были пройти конфирмацию, отправили спать немного раньше обычного. Мать Святая Губерта, которая в то время не была настоятельницей, получила указание разбудить их утром и помочь с одеванием. Белое платье, вуаль и венки были положены у изножья кровати каждой девочки.

Когда она пришла в их спальню на следующее утро, в семь часов, четверо уже не спали; только Мартелла лежала неподвижно в глубоком сне. Она была полностью одета; её волосы были тщательно расчесаны, а на ней были вуаль и венок. В своём первом удивлении Мать Святая Губерта отругала Мартеллу, но удивление и тревога девочки были настолько очевидны, что она поняла правду.

«И что это было, по-вашему?» – спросил мистер Симс.

«Девочка была взволнована в течение нескольких дней; она была накануне великого события. Я пришла к выводу, что она оделась во сне».

«В результате предыдущего нервного напряжения?» – уточнил мистер Симс.

«Да, я знала, что нечто подобное случалось и раньше с девочками, которые чувствительны и обладают воображением».

«Она помнила, как одевалась сама?» – спросил мистер Танкерей.

«Ничего. Она была очень расстроена и напугана».

«Как долго длилось это состояние расстроенности и тревоги?» – поинтересовался мистер Танкерей.

«Недолго. Она всегда была очень храбрым ребёнком».

Когда Мать Святая Губерта объяснила ей, что, по её мнению, произошло, она сразу успокоилась. Она умоляла, чтобы её конфирмация не откладывалась из-за этого.

«И не откладывалась?» – уточнил мистер Симс.

«Нет. Мы посчитали, что лучше дать выход волнению, чтобы оно шло своим чередом. Она нормально спала той ночью и больше не ходила во сне, пока была с нами».

В конце допроса мистер Танкерей встал, чтобы задать вопрос свидетелю. Его тон был невежливым.

«Вы прожили в монастыре как долго?» – спросил он.

«Я стала монашкой в двадцать три года».

«Ответьте на вопрос, чтобы присяжным было понятно. Как долго вы прожили в монастыре?» – настаивал мистер Танкерей.

«Почти всю свою жизнь. Я получила образование в монастырской школе и стала послушницей в двадцать лет».

«Как вы думаете, проведя почти всю свою жизнь в монастыре, вдали от мира, вы способны судить, нормальны ли поступки или нет?» – спросил мистер Танкерей.

«Я могу ответить только, что мудрость приходит с возможностью досуга».

«Это эпиграмма?» – предположил мистер Танкерей, и Мать Святая Губерта кивнула. Она спустилась с места, победоносно, и мистер Соуэрби Симс поднялся, чтобы вызвать следующего свидетеля.

Галерея зашумела и зашептала; карандаши молниеносно летали по бумаге на столах репортеров; в суде было небольшое движение, как в театре, когда гаснет свет и занавес должен подняться перед выходом на сцену какого-то легендарного актёра. Следующим свидетелем мистера Симса была сама заключённая. Она подошла к свидетельской скамье, сдержанная, но с глазами немного озадаченными, которые широко распахнулись, чтобы осмотреть суд с этого нового ракурса.

Наблюдатель на галерее восхищался каждой её позой. «Воспитание! – подумал этот наблюдатель. – Это о многом говорит». И когда он поймал её взгляд на мгновение, он слегка кивнул ей, что означало восхищение и приветствие её мужеству. Возможно, она это увидела; но мистер Симс уже был занят своими вопросами.

«Итак, мисс Баринг, где вы были вечером 27 сентября?» – спросил он.

«В какое время вечера?» – уточнила она.

«Скажем, с семи до десяти».

«В театре. Я же сказала вам, что договорилась играть роль».

«Каков был мотив, побудивший вас вернуться в компанию мистера Дрюса в семь?» – продолжил мистер Симс.

«О, ну, когда они пришли и вежливо попросили меня, я сдалась. Бог знает, я не хотела бросать их в яму. Как я сказала мистеру Дрюсу: «Вы будете порядочны со мной, и я буду порядочна с вами». Я не хотела ссориться».

«Так что вы снова были с ним в дружеских отношениях?» – спросил мистер Симс.

«О, да!» – ответила она.

«А с его женой?» – спросил мистер Симс.

«Она была очаровательна со мной. Это было большим облегчением. Я ненавижу все эти разборки людей в одной компании. Это так по-детски».

«У вас не было других причин для жалоб на миссис Дрюс, кроме того, что нам рассказали свидетели?» – спросил мистер Симс.

«Нет, она старалась быть милой. Я действительно думаю, что она старалась».

«Значит, между вами были просто профессиональные разногласия?» – уточнил мистер Симс.

«Ну, мы так и неладили. Тем не менее, у нас не было личных ссор – не по моей вине».

«Эти профессиональные ссоры ничего особенного не значат?» – спросил мистер Симс.

«Кажется, они неизбежны. Я никогда не была в компании, где не было бы чего-то подобного».

«Так, вы разрешили профессиональные разногласия. Что вы сделали дальше?» – продолжал мистер Симс.

«Я ничего не делала. Мы просто продолжали».

«Вы не предприняли никаких шагов, чтобы закрепить примирение?» – спросил мистер Симс.

«О, вы имеете в виду, что пригласила их на ужин? Мне очень жаль. Я не поняла, к чему вы клоните. Да, конечно, я пригласила их на ужин. Я думала, это просто вежливо».

«Вы пригласили и мистера Дрюса, и его жену?» – уточнил мистер Симс.

«Конечно. Не то чтобы я думала, что он придёт».

«Он сказал, что придет?»

«О да, он обещал прийти. Менеджеры всегда так говорят, чтобы быть вежливыми».

«И он действительно пришел?»

«Нет, я же сказала вам, что не пришел. В этом-то и дело».

«Как вы готовились к этому ужину?»

«О, мисс Митчем все организовала. Я дала ей десять шиллингов и попросила сделать побольше закусок».

«Она купила спиртное?»

«Нет, я забыла ей сказать».

«У вас было спиртное?»

«Да, я как раз к этому шла. Понимаете, я знала, что если придет мистер Дрюс, оно нам понадобится».

«Вы сами не пьете спиртное?»

«Нет, я не выношу его вкуса. Стаут – это другое дело».

«А вы пили стаут тем вечером?»

«О нет, никогда вечером. Это слишком тяжело для моего желудка».

«Мисс Баринг, я задал вам вопрос, на который вы, вероятно, не хотите отвечать. Были ли у вас спиртные напитки в ту ночь?»

«О, простите, я думала, что уже сказала об этом. У меня было немного бренди во фляжке. Я достала его первым делом, полагая, что миссис Дрюс захочет немного выпить».

«Почему, если вы никогда не пьете, у вас оказался бренди?»

«Ну, другим это нравится, вы знаете. И потом, на случай болезни...»

«Вы предлагали выпить миссис Дрюс?»

«Да, но она не захотела. Она сказала позже, возможно, когда мы отрепетируем наши сцены».

«Сцены?»

«Мы вместе повторяли некоторые сцены из спектакля. Мы так договорились. Это было отчасти причиной, по которой я пригласила ее на ужин».

«Слова новой роли?»

«Да, для следующей пьесы. Мы играли новую пьесу каждые три дня».

«Эта роль была длинной?»

«Пожалуй, самой длинной из всех, за которые я когда-либо бралась».

«Такая же длинная, как, например, Леди Макбет?»

«О, гораздо длиннее и сложнее, вы знаете. Множество коротких реплик. Ее почти невозможно выучить по подсказкам. Вам нужен другой человек для диалога».

«Сколько времени вам дали, чтобы выучить эту длинную и сложную роль?»

«Как обычно, три дня».

«У вас хорошая память на слова?»

«Чтобы играть на сцене, нужна хорошая память. Но, конечно, это означает, что нужно репетировать днями и ночами».

«Как вы обычно приступаете к изучению своих сцен?»

«Ну, мне нужно поспать ночь. Если я однажды произнесу всю партию перед сном, я наверняка запомню ее утром. Это как если бы ваш ум продолжал работать. Я бы предпочла работать два часа ночью, чем двенадцать часов днем и играть вечером».

«Вы работали над этой ролью весь день?»

«Я работала над каждой ролью целый день с тех пор, как присоединилась к труппе».

«Помимо игры по ночам?»

«Конечно».

«Вы привыкли репетировать свои роли, когда возвращались из театра вечером?»

«Иногда до четырех утра».

«Очень хорошо. Теперь вернемся к вечеру, когда вы пригласили миссис Дрюс на ужин.

Вы были в театре, как обычно?»

«Да».

«Вы вернулись домой сразу после спектакля?»

«Нет, у нас был прогон. Мы часто так делали. набросок».

«Во сколько это закончилось?»

«О, чуть позже одиннадцати. Я не могу быть уверена до минуты».

«И после этого вы пошли домой?»

«Да».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.